

РЕЦЕНЗИИ

Мэтлок Джек Ф. *Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза.* – Москва: Рудомино, 2003. – 580 с.

Почти ровно двадцать лет назад к власти в СССР пришел Михаил Горбачев, архитектор перестройки, программы реформ, которая должна была привести к возрождению все более нежизнеспособной сверхдержавы, не справляющейся с новыми экономическими и политическими вызовами. В то время никто даже не осмеливался думать ни об ослаблении «руководящей роли партии», ни о том, чтобы сбросить балласт коммунистических идей, ни тем более о дезинтеграции государства. В то же время хватило едва лишь семи лет, чтобы Союз Советских Социалистических Республик, наследник российской/царской имперской традиции, исчез с политической карты мира.

До сих пор продолжаются дискуссии на тему принципиальных факторов, которые привели к распаду советской империи. Они вытекают не только из восхищения самим фактом падения колосса, ибо история знает много подобных случаев, возможно лишь не столь ярких. Скорее речь идет о попытке найти ответ на вопрос о том, как произошло, что почти все были совершенно обескуражены ходом событий в конце восьмидесятых годов прошлого века. Многие наблюдатели со стоическим спокойствием признали постфактум, что советское государство по самой своей природе было обречено на разложение, бывшее всего лишь делом времени. Но еще за несколько недель до роспуска СССР лишь немногие – и то с тревогой в голосе – говорили, что эта система вскоре рухнет под собственной тяжестью. Штабы советологов и кремлевцев, старательно анализировавшие персональную перетасовку в партийных элитах СССР, не заметили проблемы фундамен-

тального значения – процесс исчезновения предмета их исследования. Конечно, находились и такие, которые довольно точно предвидели судьбу империи. Достаточно вспомнить писателя-диссидента Андрея Амальрика, который в известном очерке «Просушествует ли Советский Союз до 1984 г.?» отрицал прочность советской системы, или французского социального антрополога Эмманюэля Тодда, который пришел к подобным выводам в 70-е гг., предвидя гибель СССР в конце XX века. Тем не менее, размышления на тему причин мыслительной инерции, приведшей к тому, что распад империи удивил как политиков, работавших над планами налаживания взаимоотношений с реформирующимся СССР, так и исследователей, еще долго не прекратятся. Важное место в литературе, посвященной распаду Советского Союза, занимают свидетельства участников этих событий, как членов советского руководства, так и представителей западных государств, наблюдавших за развитием ситуации на месте. Книга Джека Ф. Мэтлока мл., исполнявшего в нервные 1987-1991 гг. функции посла Соединенных Штатов в Москве, прекрасно вписывается в этот мемуарный разряд. Она была написана в середине девяностых годов и тогда же была впервые издана. Но русский перевод задержался до 2003 г. Русские переводчики, возможно, по желанию автора, несколько модифицировали подлинное заглавие, заменив «посмертный осмотр империи» (*Autopsy on an Empire*) «смертью империи», хотя, если учитывать содержание книги, наиболее подходящим определением представляется «агония».

Во введении Дж. Мэтлок задает себе упомянутый вопрос: как такая мощная империя могла в столь короткое время и почти неслышно уйти в небытие? Машинально приводит причины: нежизнеспособная социально-экономическая система, эрозия идеологии (ритуализация поведения и языка при одновременной атрофии содержания), чрезмерное разрастание государства, в том числе прежде всего бюрократии и параллельных партийных структур, возрождение национально-освободительных и сепаратистских движений, влияние внешних факторов, в особенности военного и экономического прессинга Запада и т. п. Но хотя все эти элементы были замечены еще в то время, когда СССР существовал, почти никто не рисковал утверждать, что под влиянием данных явлений империя рухнет. А может быть, задает вопрос Мэтлок, существовала альтернатива в форме реформированного союза

государств (новой федерации, конфедерации), лишенного статуса сверхдержавы, но представляющего собой в меру цельный субъект? Что было катализатором таких фундаментальных изменений?

Джек Ф. Мэтлок, для которого руководство представительством в Москве было венцом многолетней работы в Государственном секретариате и Национальном совете безопасности, где он был специалистом по СССР, стремится дать ответ на поставленные выше вопросы. Метод, который он избрал, состоит в ведении повествования на двух уровнях. На первом из них, несколько поверхностном и скорее дескриптивном, автор описывает ход событий с 1987 по 1991 гг. с позиций наблюдателя, свидетеля, а порой и непосредственного участника. Центральное место в нем занимает внутренняя борьба в СССР – будь то в рамках партии, будь то между слабеющими партийными и усиливающимися государственными учреждениями, последние из которых до тех пор носили бутафорский характер. Мэтлок не полагается исключительно на свою память и сделанные в то время заметки, но ссылается также на беседы, которые он вел уже после распада СССР с несколькими десятками участников ключевых событий. Второй уровень, гораздо более интересный, – это попытки делать выводы и анализировать причины, которые привели именно к такому развитию ситуации. Здесь автор решается высказывать свое мнение, оценивать, выдвигает тезисы, которые то подтверждает, то опровергает.

Если говорить об информационном слое, то, как представляется, автор не обнаруживает ничего неизвестного, хотя следовало бы иметь в виду, что русское издание появилось тогда, когда уже вышло в свет много других работ, в том числе солидных научных исследований¹. Впрочем, произведение Мэтлока совершенно другого калибра, и вместо того, чтобы ставить его в один ряд с исследовательскими работами, несмотря на претензии, заявленные самим автором, к книге следовало бы относиться скорее как к источнику. В нем множество детальных портретов людей, стоявших у руля тонущего государства, видно усилие, связанное с желанием понять мотивы, которые ими руководили при принятии решений.

¹ Касаясь лишь польских работ, нельзя не вспомнить об исследовании распада империи, произведенном Влодзимежем Марциняком в книге «Разграбленная империя», изданной в Кракове в 2001 г.

Однако это несомненное достоинство с точки зрения ясности повествования превращается в недостаток, ибо, кроме размышлений на тему роли личности в истории, из него ничего более не вытекает. Не подлежит сомнению, что Мэтлок прекрасно разбирается в советских реалиях, что он много раз доказывает, давая комментарии и производя анализ. Книга читается великолепно благодаря удачной связи свидетельств участника с размышлениями на тему второстепенных явлений.

К сожалению, явно заметно, что книга является продуктом, обращенным к специфическому, американскому читателю, отсюда иногда довольно раздражающее повторение вещей, совершенно очевидных для жителя Восточной и Центральной Европы. Мешает большая осторожность в формулировании оценок американской политики в отношении СССР и почти не критическое воспроизведение риторики прошлых лет, хотя бы касающейся борьбы с «империей зла». Единичные негативные оценки нацелены скорее на конкретных лиц из органов власти или самого президента, чем на принципы политики и их реализацию. С одной стороны, во внешней политике США автор критикует концентрацию внимания на лицах, а не целях, с другой – сам в своей книге излишне преувеличивает значение отдельных персонажей советской политической жизни. Дихотомическое, родом из вестерна разделение мира на «хороших» и «плохих» понятно и зачастую необходимо, поскольку представляет собой элемент политического маркетинга – и тем самым инструмент политики, но, используемое в воспоминаниях, претендующих на некоторую научность, звучит наивно. Ибо как иначе оценить глубокую убежденность автора в том, что, хотя интересы США и СССР как государств были противоположны, американская деятельность неустанно велась с учетом интересов поработанных граждан империи и согласно этим интересам. Однако такие мнения составляют лишь незначительный фрагмент книги. Более важным представляется ответ на вопрос, удалось ли автору найти удовлетворительное решение беспокоящей его загадки, а если да, то как оно звучит.

Ось книги – размышления на тему шансов сохранения СССР как единого субъекта. Мэтлок строит рассуждения в двух плоскостях. В первую очередь, он сосредоточивается на процессе изменений, которые происходили внутри государственного и партийного аппарата после того, как в должность

Генерального секретаря ЦК КПСС вступил Горбачев. Автор описывает институциональные хитросплетения советской системы, придворные нравы, господствующие в Политбюро, идеологическое увядание партии при одновременном разрастании ритуалов, поддерживающих иллюзию прочности, повсеместную коррупцию и многие другие элементы, которые привели к маразму восьмидесятых годов. Тем не менее анализ специфики советской политической системы не выходит за рамки довольно очевидных констатаций и служит скорее контекстом для анализа личностей того времени. Автор много места уделяет в книге последнему генеральному секретарю и другим персонажам, действия которых каким-либо образом сказались на ходе событий, в особенности Борису Ельцину. Ища ответ на вопрос о причине распада империи, во главу угла он ставит роль личностей как порой сознательных, а еще чаще несознательных катализаторов революционных изменений. В качестве примера приводит Горбачева, который инициировал изменения с целью реформировать государство в рамках существующей системы, а вызвал лавину событий, которая привела к ее дезинтеграции. Другим примером для автора является шеф КГБ Крючков, инициатор августовского путча 1991 г., довольно гротескного, судя по реакции Мэтлока. Переворот должен был стать средством задержания прогрессирующего распада государства, а в принципе явился последним гвоздем, вбитым в крышку гроба империи, приведя в движение стремительный процесс эмансипации даже в тех республиках (например, Казахстан), которые прежде выступали за сохранение единого государства.

Второй причиной распада Мэтлок считает рост национально-освободительных устремлений в советских республиках, вызванный, с одной стороны, все более заметной немощью центра и потребностью заполнения политического вакуума, с другой – действительным пробуждением этих устремлений, спавших или подавляемых прежде. Фрагменты, касающиеся развития ситуации в балтийских республиках, на Кавказе или в Средней Азии и реакции центральных властей, в том числе самого Горбачева, на эти процессы, принадлежат к самым интересным, так как именно здесь автор затрагивает вопросы, имевшие фундаментальное значение для судьбы СССР. Много места посвящено разным концепциям сохранения Советского Союза, посредством то ли т. н. обновления федерации (хотя следовало бы скорее говорить о создании федерации, ибо

ранее она была фикцией), то ли образования конфедерации. Подробно представлена борьба Горбачева за разработку и подписание нового союзного договора, который должен был изменить форму государства посредством делегирования больших полномочий республикам.

Наконец, на третьем месте в иерархии автора находится политика Соединенных Штатов, стимулирующая соответствующие перемены в СССР. Мэтлок по понятным причинам задерживается на данной проблеме, поскольку сам был исполнителем этой политики. Он не всегда вполне с ней соглашался, но явно поддерживает тезис о том, что жесткий курс, начатый Рейганом, оправдался. Давление окружающей среды принуждало слабеющую империю к уступкам.

В своих воспоминания Мэтлок не раз приводит заглавную метафору посмертного осмотра, воображая себя в роли патологоанатома, производящего вскрытие и пытающегося понять причины смерти. В книге есть множество необычайно интересных фрагментов, касающихся жизни советской элиты, особого места, которое занимал посол США в этой жизни, ярких характеристик перво- и второразрядных персонажей, благодаря чему вся она читается с удовольствием. Автор затрагивает десятки мотивов, о которых в короткой рецензии упомянуть просто невозможно. Однако из этого импонирующего количества фактов Мэтлок извлекает довольно поверхностные выводы. Кроме уже рассмотренных трех причин распада, уже ничто больше не появляется. Поражает совершенное отсутствие связи с распадом социалистического блока, иными словами, «внешней империи». В нескольких словах Мэтлок рисует проблему объединения Германии как в принципе единственного явления в существенных последствиях описываемых событий, совершенно обходя вниманием процессы, которые происходили в восьмидесятые годы во всей подчиненной Центральной Европе. Судя по такому описанию, проблематика падения коммунистического правления во всех странах «лагеря» совершенно не интересовала руководство СССР. Довольно вскользь рассматривается проблема экономического кризиса как одной из принципиальных причин упадка. Мэтлок концентрируется просто на непосредственных, по его мнению, движущих силах, которые привели в действие процесс распада, попутно лишь вспоминая другие проблемы. С одной стороны, принимая во внимание стремления, выраженные автором во введении, следовало бы ожидать большего.

С другой, однако, сам характер работы, представляющей собой лишенный научного аппарата пересказ событий устами их свидетеля и участника, обогащенный личными размышлениями, не позволяет ничего более. В этом контексте «Смерть империи» может представлять собой лишь один из источников для исследователей предмета, не являясь новым с познавательной точки зрения материалом.

Эрнест Выцишкевич

Robert Cooper, *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century*, Atlantic Monthly Press, New York 2003, 180 p.

Роберт Купер, британский дипломат и бывший советник по иностранным делам премьера Тони Блэра, изложил свои размышления на тему нового мирового порядка в трех эссе, составляющих книгу *The Breaking of Nations*. Они представляют собой развитие и актуализацию текстов, первый из которых был опубликован в „Demos” в середине девяностых годов, второй являлся запиской, адресованной премьеру Блэру, а последний был напечатан в „Internationale Politik”.

Три эссе составляют тщательно спланированную работу, целью которой является выяснение причин и следствий изменений в мировом порядке, которые начались сразу же по окончании холодной войны и после падения биполярной системы.

Исходной точкой для рассуждений является констатация того, что из всех вооруженных конфликтов, которые происходили в истории Европы (важнейшими из них признаны Столетняя и Тридцатилетняя войны, а также обе мировые войны XX в.), самые жестокие могут возникнуть в XXI веке. Это вытекает из анализа угроз, с которыми должна справиться не только Европа, но и весь мир. Распространение терроризма и оружия массового поражения – вот две тенденции, которые ведут к постепенной утрате контроля правительствами государств Запада. Благодаря продвинутой технологии и распространяющейся анархии едва лишь 0,000001% населения мира может угрожать всему мировому порядку – так автор характеризует потенциальную группу из 60 террористов, располагающих, например, биологическим оружием, решительных и подготовленных к проведению терактов. Самостоятельность,

дифференциация и глобальная коммуникация, явления, предвещающие век благополучия и креативности, могут в то же время стать источником утраты контроля государства над инструментами принуждения, а в случае обществ - утраты контроля над собственным будущим. Цивилизация и порядок зависят от контроля насилия, его отсутствие приведет к атрофии как порядка, так и цивилизации. Как же выглядит нынешнее положение государств и как его можно формировать? Автор представляет возможные ответы, анализируя мировой порядок, условия мира и сравнивая Европу с Соединенными Штатами.

1989 год привел к далеко идущим изменениям не только на европейском континенте, но и во всей мировой системе. Ибо окончание холодной войны привело к тому, что европейская система государств подверглась фундаментальным изменениям; можно даже говорить о возникновении совершенно новой системы. Согласно предлагаемой Купером концепции, данная система охватывает следующие три типа государств.

1. Государства предсовременные, погруженные в постимперский хаос. Примером могут быть Сомали, Афганистан или Либерия - государства, правительства которых утратили монополию на средства принуждения и в которых сам институт государства оказался хрупкой и уязвимой структурой. Другим случаем, принадлежащим к той же категории, являются некоторые территории бывшего Советского Союза, в особенности Чечня. Предсовременные регионы не вызывают интереса у других, более технологически продвинутых государств: они не имеют привлекательных ресурсов и никто не собирается расходовать средства на спасение отдаленных территорий от разрушения. Хотя существование зон хаоса не ново в мировой истории, ныне даже самые отдаленные и наиболее бедные государства поддерживают контакт к остальным миром. Основной риск состоит в том, что, когда государство становится слишком слабым, чрезмерную силу могут приобрести негосударственные акторы, что, впрочем, уже происходит в Колумбии или Афганистане.

2. Современные государства, удерживающие монополию на средства принуждения, готовы к применению против себя силы, например, Китай, Индия или Бразилия. Есть две причины, по которым эти государства сохраняют систему неизменной конфигурации. Первой является сохранение равновесия сил, а второй - наличие государств-гегемонов, заинтересованных в

сохранении *status quo*. Современные государства, вопреки названию, не представляют собой какого-то нового качества, но напротив, автор считает их старомодными. Скрепляющая их система отличается признанием суверенитета государств и разделением внешней и внутренней политики. Окончательной гарантией безопасности государств является сила, а в международных отношениях доминирует школа мышления по Макиавелли и Клаузевицу.

3. Государства постсовременные – это прежде всего государства-члены Европейского Союза, а систему, образуемую ими, определяет Римский договор, Договор об обычных вооруженных силах в Европе и два соглашения: о химическом оружии и запрете на применение противопехотных мин. Для постсовременной системы государств такие понятия, как равновесие сил, суверенность или разделение внутренней и внешней политики, утрачивают свое значение. Уменьшается также роль границ государств. В этом контексте основными категориями безопасности становятся открытость, прозрачность и взаимная чуткость государств. Другим характерным элементом является существование таких учреждений, как Европейский суд по правам человека в Страсбурге, Международный валютный фонд или Международное агентство по атомной энергии, которые выходят за рамки традиционного понимания международной дипломатии. Р. Купер называет и анализирует причины возникновения постсовременной международной системы. Главное место принадлежит здесь воле государств, которые не желают вести войну. Эти государства могут соглашаться друг с другом (или нет), могут друг друга любить (или нет), но они решились на вступление в одну организацию и соблюдение единых требований, касающихся как норм выращивания скота, так и способов преодоления бюджетного дефицита. Структуры сотрудничества приводят к укреплению суверенитета государств посредством повышения уровня их безопасности. С той лишь разницей, что ныне европейские государства иначе определяют суверенитет, чем это было в прошлом: «для постсовременного государства суверенитет означает место за столом».

В своем анализе Р. Купер больше всего места уделяет последней из названных групп государств и образуемой ими системе. Он отмечает старания государств, расположенных в других частях мира, которые приближаются к постсовремен-

ному состоянию: здесь упоминается Япония, государства, принадлежащие к *NAFTA*, *ASEAN* или *MERCOSUR*.

Он рассматривает также положение, в котором находятся Соединенные Штаты: по мнению автора, США еще не решили, хотят ли они принадлежать к постсовременному миру взаимозависимости или пойдут на реализацию политики унилатерализма и силы. Ибо не подлежит сомнению, что США являются единственной мировой силой, имеющей глобальную стратегию деятельности, а остальной мир определяет свои позиции, ориентируясь на нее.

Анализируя три сосуществующие системы государств, Купер уточняет концепцию безопасности каждой из них, устанавливая, что участники международных отношений могут выбрать три возможности удержания стабильности: гегемония, равновесие или постсовременная безопасность. Автор выступает за третье решение, рассматривая его как выбор между национализмом и интеграцией, равновесием и открытостью. Успех постсовременного государства – это именно открытость и транснациональное сотрудничество, а открытая система государств является следствием существования открытого общества. В свою очередь, лучшим ответом на угрозы является постепенное расширение системы, включение в ее сферу все большего количества государств.

Условия обеспечения мировой безопасности и выработка механизмов сотрудничества государств, принадлежащих к разным системам, которые рассматриваются в следующих эссе, дополняют и развивают концепцию трех систем государств, представленных в первой части работы.

Если целью внешней политики является обеспечение мира и благосостояния, а не подчеркивание силы и престижа, то одним из ключевых условий реализации этой цели является преодоление деления на Нас и Их, а в конечном счете построение новой идентичности, общей для международного сообщества. Разработке этой идентичности может служить анализ пяти максим:

- иностранцы отличаются от нас,
- наибольшее значение в конечном счете имеет внутренняя политика,
- на иностранцев влиять трудно,
- внешняя политика – это не только интересы государств,

– чем шире контекст международных отношений, тем проще сотрудничество между государствами.

Последние размышления касаются различий и подобий, наблюдающихся между Европой и Соединенными Штатами, а также возможности совместной деятельности, направленной на разрешение международных конфликтов. Если говорить коротко, различия между европейскими государствами и Соединенными Штатами состоят в разнице военных потенциалов: США способны к унилатеральным действиям, поскольку располагают силой, делающей такое поведение возможным. Приверженность Европы к заключению соглашений, соблюдению главенства закона и мультилатерализму является производной военной слабости и мышления в категориях желательности. Однако, с другой стороны, плюрализм и главенство закона являются необходимыми, по крайней мере демократическим государствам, в международных отношениях. Поэтому нужна выработка решений, делающих возможным эффективное европейско-американское сотрудничество. Автор формулирует ряд указаний, которые должны его облегчить: прежде всего, его установление является исключительно вопросом доброй воли обеих сторон. Во-вторых, обе стороны смогут выработать совместную стратегию действий, если решатся нести соизмеримые расходы. Государства-члены ЕС должны выработать механизмы военного сотрудничества между собой и углубить сотрудничество политическое, что, впрочем, соответствует логике процесса европейской интеграции.

А что является наиболее выгодным решением для всего международного сообщества? Ответ Купера однозначен: наиболее желательным результатом развития международных отношений является расширение постсовременной системы таким образом, чтобы она стала нормой в межгосударственных отношениях. Эта высокая и далеко идущая цель, возможно, навсегда останется недостижимой иллюзией. Но в политике ничто не происходит само по себе. В изменяющемся мире худший род политики состоит в ничегонеделании.

Агата Колаковска

J.L. de Castro Ruano, A. Ugalde Zubiri, *La acción exterior del País Vasco (1980-2003)*, Oñati, Instituto Vasco de Administración Pública, 2004, 464 p.

Одним из проявлений изменений, происходящих в сложной международной действительности, является возрастающая роль нецентральных (*non central governments*) государств в международных отношениях. Если в унитарных странах этот аспект все еще рассматривается как второстепенный (несмотря на то, что роль, которую играют регионы в ЕС, способствует росту исследований в этой области), то в государствах с федеративным устройством и развитой автономностью регионов тема субгосударственных акторов на фоне международных отношений широко разрабатывается. Обширная монография Х. Л. де Кастро Руано и А. Угалде Субири является очередным исследованием этого явления на испанском издательском рынке. В ней отражается интерес к внешнеполитической деятельности Страны Басков, составляющей одну из 17 автономных областей Королевства Испании. В работе одновременно указывается, как трудно анализировать явления на уровне международных отношений, сохраняя при этом нейтралитет относительно политического положения, сложившегося в результате частых споров между центральным правительством Испании и баскским правительством, которое стремится завоевать большую автономность. Это правительство использует внешнеполитическую деятельность не только как инструмент повышения эффективности внутренних политик, но также как орудие, способствующее самоутверждению как внутри региона, так и за его пределами. У внешнего наблюдателя, который внимательно следит за сложнейшей испанской действительностью, проявляющейся на уровне над- и субгосударственных отношений, может создаться впечатление, что авторам книги, проживающим в Стране Басков, только отчасти удалось совместить требования научной работы с политической активностью.

Х. Л. де Кастро Руано и А. Угалде Субири поставили себе целью дать комплексное описание внешнеполитической деятельности, которую ведет автономное правительство Страны Басков в течение более двадцати лет существования этого испанского автономного сообщества, т. е. с момента установления автономного статуса (*Estatuto de Gernika*) в 1980 г. вплоть до 2003 г. Публикация состоит из трех частей. В первой части содержатся вступительные замечания, охватывающие четыре проблемы. Во введении авторы характеризуют современное

состояние разработанности темы и справедливо, хотя, по-видимому, не очень уместно, акцентирую внимание читателя на роли ЕС как благоприятно действующего фактора, генерирующего рост значения нецентральных правительств в международных отношениях. Затем, проанализировав с исторической точки зрения деятельность баскских правительств в период испанской гражданской войны (1936–1939) и в эмиграции, авторы рассматривают законодательные и политические основы, создавшие рамки для внешней деятельности автономного сообщества (Конституция Королевства Испании 1978 г. Автономный статут; судебная практика Конституционного суда). Далее представляют инструменты, применяемые для осуществления ее целей (исполнительные органы на уровне автономии, представительства за рубежом). Эта первая часть книги представляет собой, по мнению авторов, введение в находящееся во второй части исследование в собственном смысле слова, посвященное внешней деятельности баскского правительства. Здесь затрагиваются такие вопросы, как взаимоотношения между Страной Басков и ЕС, участие в региональных организациях секторального и политического характера, двусторонние отношения между регионами и трансграничное сотрудничество. Далее рассматривается также политика, проводимая баскским правительством с целью оказать помощь развивающимся странам, а также контакты с басками, проживающими вне территории автономного сообщества. Официальные визиты и заграничные поездки баскского правительства представлены несколько чрезмерно подробно. Третья, заключительная часть книги содержит слишком краткие выводы из этого насчитывающего более четырехсот страниц исследования, которые являются всего лишь изложением того, что раньше подвергалось анализу. В конце работы приводится список литературы.

Теория международных отношений предлагает несколько интересных моделей, происходящих, главным образом, из плюралистической парадигмы и постмодернизма, которые дают возможность приблизиться к проблематике субгосударственных акторов. Пока нет еще единого, комплексного подхода, который давал бы возможность полностью понять роль нецентральных правительств. И это, по всей вероятности, вытекает из факта, что до недавнего времени научные работы, посвященные субгосударственным акторам, служили аргументом для оспаривания доминирующей в учении о между-

народных отношениях реалистической парадигмы, утверждающей приоритет государства как актора международных отношений. Существующие между теоретиками международных отношений расхождения во взглядах на предмет исследований и к тому же – в последнее время – разногласия в подходе к эпистемологическим аспектам науки как таковой, скорее всего не свидетельствуют о том, что модель, с которой согласилось бы большинство из них, будет создана. В связи с этим эмпирический анализ, проводимый с опорой на существующие модели, представляют собой своего рода попытку объединить различные, нередко противоречивые с теоретической точки зрения, перспективы в одно, не всегда связанное, целое. Книга Х. Л. де Кастро Руано и А. Угалде Субири служит примером, подтверждающим это правило. Анализ внешней деятельности негосударственного актора, каким является в данном случае Страна Басков, начинается с известной в плюралистической парадигме констатации растущей роли этого актора и по существу завершается описанием внешней деятельности баскского правительства, представленной в реалистической перспективе. При этом приемы описания имеют сходство с традиционными методами презентации внешней политики государства, согласно с которыми государство (и, в частности, автономное сообщество) осознается как центр анализа и свод основных направлений деятельности. Такой подход способствует учету хронологических аспектов внешней деятельности баскского правительства и дает возможность подробно представить законодательные нормы, являющиеся источником этой деятельности, что несомненно помогает читателю придать известный порядок своим знаниям по данной теме, а также является бесспорным достоинством этой книги. В этом отношении доказательством добросовестной научной скрупулезности авторов может служить, в частности, тот факт, что в работе содержится, по всей вероятности, самый полный указатель договоров, заключенных баскским правительством в рамках своей внешней деятельности, а также список зарубежных визитов президента Страны Басков с 1990 г. Однако, как представляется, такая трактовка темы обедняет анализ, потому что не позволяет (или ограничивает возможность) затронуть многие аспекты, которые считаются ключевыми с точки зрения функционирования и значимости государственных нецентральных акторов в международных отношениях. Если принять, что субгосударственные акторы,

как акторы международных отношений, проявляют себя на трех уровнях: субгосударственном, государственном и надгосударственном, то первостепенное значение приобретает изучение роли, которую исполняют на любом уровне нецентральные правительства, взаимоотношений между ними и акторами, выступающими на этих уровнях, а затем, на этом основании, – выявление роли и возможного значения нецентральных правительств в международных отношениях. Это дает возможность применить комплексный подход к отдельному примеру государственного нецентрального актора и, таким образом, предотвращает опасность необъективности или же нарушения равновесия, являющегося неотъемлемой частью любого частичного анализа. Авторы книги сосредоточили свое основное внимание на субгосударственном уровне. При этом, касаясь функционирования этого правительства на остальных уровнях и обращаясь к отношениям между баскским и центральным государствами, а также между баскским правительством и ЕС, авторы исходили исключительно из юридического анализа. Этот анализ должен составлять основу любого научного исследования такого характера, тем не менее не исчерпывает темы. Из обилия привлекаемых авторами данных бесспорно возникает впечатление (причем трудно определить, насколько заранее предусмотренное), что правительство Страны Басков ведет интенсивную и широкую внешнеполитическую деятельность. Однако в итоге не прибавляются новые качества к имеющемуся анализу государственных нецентральных акторов и их воздействия на функционирование и возможную эволюцию международных отношений.

Беата Война

Голубев А. В. «... Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 273 с.

А. В. Голубев – известный российский историк, который уже сравнительно давно и плодотворно занимается пробле-

мами имэдженологии². Он является автором целого ряда статей и документальных публикаций по данной проблеме. Под его руководством, начиная с 1994 г., ежегодно проводится «круглый стол» «Россия и внешний мир». Участниками этого ставшего уже традиционным научного форума являются историки, филологи, философы, социологи, культурологи из Москвы и других городов. Ключевые вопросы и сюжеты, затронутые на заседаниях «круглого стола», положены в основу целого ряда изданий, сразу ставших библиографической редкостью. А. В. Голубев неизменно выступает в такого рода изданиях не только в качестве одного из авторов, но и является ответственным редактором³.

Рецензируемую книгу, названную в аннотации монографией, а в авторском предисловии – очерком, можно рассматривать как итоговое, обобщающее исследование на актуальную, но недостаточно хорошо изученную тему. Автор следующим образом формулирует поставленную задачу: он намерен «проследить динамику развития советской культурной дипломатии в 1917–1939 гг., в первую очередь направленной на Запад», и попытаться «выяснить, как менялись ее цели и методы, какие люди и структуры участвовали в ее проведении» (С. 5).

Добавим от себя, что монография построена с учетом прежде всего «европейского контекста». Главные «герои» автора – представители интеллектуальной элиты и рабочего класса США, Канады, Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Голландии, Греции, Дании, Испании, Франции, Чехословакии, Швеции, посетившие СССР в 1920-е – 1930-е гг., до начала второй мировой войны, а также видные советские функционеры, члены общественных организаций и чиновники государственных структур, в той или иной степени отвечавшие за прием иностранных гостей.

Поскольку речь в книге идет о «культурной дипломатии», то А. В. Голубев счел необходимым напомнить, что первенство введения в оборот этой дефиниции принадлежит американ-

² А. В. Чернобаев *Историки России XX века: Библиографический словарь*. – Т. 1. – Саратов, 2005. – С. 222–223.

³ *Россия и Европа в XIX–XX веках: проблема восприятия народов, социумов, культур*. – М., 1996; *Россия и внешний мир: диалог культур*. – М., 1997; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века*. – М., 1998; *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия*. – Вып. 1. – М., 2000; *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия*. – Вып. 2. – М., 2002.

скому исследователю Ф. Баргхорну, понимавшему под ней «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях». При этом Баргхорн считал, что советское руководство всегда использовало культурные связи в качестве орудия внешней политики. А. В. Голубев расширил введенное своим американским предшественником понятие. Он определяет культурную дипломатию как «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» (С. 5).

Автор монографии справедливо замечает, что культурная дипломатия — это отнюдь не большевистское изобретение. Она известна по крайней мере со времен российской императрицы Екатерины II и американского президента Авраама Линкольна. Однако, делает вывод автор, хотя культурная дипломатия не являлась «открытием большевиков», именно большевистский режим использовал ее «в невиданных прежде масштабах» (С. 9). Как именно это происходило, и пытается с использованием обширной источниковой базы рассказать А. В. Голубев заинтересованному читателю.

Следует сразу оговориться, что он напрочь отмежевывается от превалявавшего в советской историографии метода определения эффективности культурного обмена с западными странами путем скрупулезного подсчета десятков и сотен тысяч посланных из СССР за границу печатных изданий, приведения сведений об организованных за рубежом фото- и изобразительных выставках, перечисления имен отдельных мастеров искусств и исполнительских коллективов, выезжавших на зарубежные гастроли. Все это порой «сдабривалось» соответствующими цитатами из иностранной прессы либо из высказываний представителей западной культуры, специально подобранными таким образом, что они свидетельствовали лишь о позитивном восприятии советской культуры за пределами СССР.

А. В. Голубев идет более сложным путем, а по сути непроторенной дорогой, внимательно вглядываясь и вдумываясь в каждый документ, тщательно выверяя каждое свидетельство того или иного очевидца и участника событий, будь то иностранец или советский человек. Ему интересны зафиксированные в источнике «признания в любви» к Советской России восторженного представителя либеральной западной интел-

лигенции, впервые попавшего в эту традиционно считавшуюся «варварской» страну и, на удивление, радушно встреченного сотрудниками ВОКСа либо Интуриста. А. В. Голубев не обходит вниманием и выявленные им в архиве обстоятельные отчеты переводчиков и чиновников, специально приставленных для «промыывания мозгов» иностранным гостям, о каждом шаге их «подопечных». В целом можно говорить не только о тщательном отборе источников, но и о рациональном, даже в какой-то степени экономном использовании эмпирического материала, добытого А. В. Голубевым в течение десятилетий кропотливым трудом в центральных (РГАСПИ, РГАЛИ, ГАРФ, ЦАОДМ, АОМ, ЦМAM) и региональных (Санкт-Петербург, Сыктывкар) архивохранилищах России, а также в обширной мемуарной литературе и в личных дневниках участников и очевидцев событий. В приложении к монографии автор впервые публикует выявленные им в РГАСПИ и ГАРФ интересные архивные документы. Нельзя не отметить, с каким большим знанием дела в коротких библиографических справках он дает характеристики и зарубежных гостей СССР, и советских функционеров и чиновников.

Основной части исследования А. В. Голубева предпослана обширная экспозиция. Свыше семидесяти страниц авторского текста посвящено изложению взглядов на роль России в контексте взаимодействия культур межвоенного периода, а также рассуждениям о том, чем же она была на самом деле – своеобразной «мировой республикой» или реальным «закрытым обществом». Много места автор уделяет процессу российской модернизации, беря за начальную точку в ее эволюции XVII век. По мнению А. В. Голубева, следует различать понятия «модернизация» и «вестернизация». Согласно определению, модернизация – это «постепенный и неравномерный переход отдельных стран и культур от традиционного, аграрного, ориентированного на неизменность общества к обществу современности, индустриальному» (постиндустриальному), которое привержено идее постоянного развития. Модернизация, в свою очередь, в новое и новейшее время является составной частью более глобального исторического процесса, названного А.В. Голубевым «процессом постоянной системной трансформации социума». Модернизационный подход, считает он, позволяет оценить и систематизировать «различные факты, тенденции, процессы российской истории» и приводит к сле-

дующему выводу: советская эпоха являлась периодом реализации своеобразного варианта догоняющей модернизации.

Далее довольно подробно прослеживаются основные этапы и характеризуются особенности «советского варианта модернизации». А. В. Голубев разделяет мнение тех исследователей, которые советский режим, окончательно сформировавшийся к концу 1920-х гг., именуют тоталитарным режимом. Идеологии, экономический и социальный строй фашистской Италии, нацистской Германии и советской России, как подчеркивает он, существенно различались между собой. Однако механизмы и функции политической власти всех трех государств были разительно схожими (С. 27).

В монографии А. В. Голубева приводятся конкретные данные о том, в чем именно состояло отличие советского (сталинского) режима. Прежде всего, шел процесс разрушения гражданского общества. В 1920-е гг. оно еще существовало, хотя, как выражается Голубев, в сильно «урезанном виде». Процесс его разрушения был сложным и многоэтапным. Каждый из этапов данного процесса являлся своеобразной ступенью на пути к тоталитаризму. Вначале были ликвидированы свободная пресса, многопартийная система, крупная частная собственность. Сохранились общественные организации, лояльные по отношению к большевистскому режиму, но еще не зависимые от него. При НЭПе сосуществовали многообразные формы собственности.

Все это было окончательно ликвидировано в ходе «великого перелома», на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Однако «великий перелом» сопровождался возрастанием уровня социальной мобильности, в результате чего правящий режим оказался в выигрыше и укрепил свои позиции.

Как утверждает А. В. Голубев, существовала своеобразная «обратная связь» правящего режима с обществом, что позволяло «отслеживать» происходившие в нем процессы. Чтобы узнать истинное отношение к власти предержащим, была образована система перлюстрации переписки, существовал многочисленный аппарат осведомителей, который замыкался на ОГПУ (позднее – НКВД). «Органы» занимались не только сбором первичной информации о настроениях населения, но и готовили сводные информационные материалы для членов Политбюро ЦК ВКП(б) и лично для Сталина. Помимо этого, сами партийные органы готовили соответствующие сводки и обзоры о состоянии общественных настроений.

Полученная информация строго и скрупулезно проверялась и перепроверялась, что позволяло получать достаточно полную картину «состояния умов». Система контроля над общественным мнением, становление которой приходится на 1920-е гг., позволяла эффективно влиять на него и манипулировать им.

В 1930-е гг. был нанесен окончательный, тяжелый удар гражданскому обществу, подорваны и ликвидированы сами его основы. К середине 1930-х гг. исчезли независимые экономические субъекты, были ограничены либо запрещены все виды общественной деятельности, не санкционированные «сверху». Практически все социальные институты и организации подверглись огосударствлению если не в явной, то в скрытой форме.

А. В. Голубев справедливо указывает на отсутствие объективных статистических данных, которые бы позволили объективно оценить уровень поддержки сталинского режима обществом. Ссылаясь на априорное утверждение Н. Я. Эйдельмана о том, что «сталинским гипнозом» было охвачено не более трети населения, Голубев приходит к выводу, что такая степень поддержки является более чем достаточной. Ведь в обществе сосуществовали и открытые противники режима, и те, кто требовал немедленной расправы над «врагами народа», и те, кто понимал всю бездоказательность, а порой и абсурдность обвинений, выдвигаемых против них. Однако полную картину общественных настроений невозможно нарисовать без учета тех, кто был запуган масштабами террора, принял его как данность, примирился с ним. Это «пассивное большинство», скорее всего, и являлось решающей гирей на чаше весов, с помощью которых мы пытаемся теперь определить реальный «вес» сталинского режима.

Поскольку речь в монографии А. В. Голубева в той или иной степени идет о культурных и научных связях СССР 1920-х – 1930-х гг., автор не обошел вниманием дискуссионную тему «закрытости» советского общества предвоенного периода. Автор оспаривает встречающиеся в исследовательской литературе утверждения о «полной информационной блокаде» Советского Союза в тот период, его изоляции от событий и явлений, происходивших за рубежом. Тоталитарный режим, утверждает Голубев, не держал массы в стороне от политики, а наоборот, стимулировал процесс «всеобщей политизации» массового сознания. Уже в первые годы после революции была

создана невиданная в истории система учреждений и механизмов чисто пропагандистского характера.

Следует напомнить, что для сталинского режима была характерна особая система «тотальной пропаганды». Ее отличали следующие основные признаки:

- 1) подавление всех альтернативных источников пропагандистского влияния (внутренних и внешних), прежде всего — запрет на ввоз иностранной, причем не только пропагандистской, литературы и других носителей информации;
- 2) централизация пропагандистской деятельности, которая выражалась в партийно-государственном руководстве и контроле над всеми вопросами пропагандистской стратегии и тактики; существовала предельная идеологизация пропаганды; она заключалась в массивном распространении средствами информирования мировоззренческих постулатов большевистской партии; сами средства массовой информации превращались в орудие обеспечения идеологических установок.

В данной связи совершенно уместно приведено в монографии следующее наблюдение польского посланника в СССР С. Патека, изложенное в его дипломатическом донесении в Варшаву, которое относится к сентябрю 1927 г.: «Большевики показали всему миру, какой великой силой является мудро и энергично проводимая пропаганда... Все государства мира в той или иной степени чувствуют влияние этой пропаганды в сфере общепринятых принципов государственности и вынуждены так или иначе определять свое отношение к СССР и его правительству. Нет такого правительства, партии или государственного деятеля, который мог бы игнорировать результаты и успехи этой пропаганды» (С. 86).

Как указывает А. В. Голубев, с помощью пропаганды формировалась определенная картина внешнего мира, составлявшая неотъемлемую часть официальной мифологии. Мир представлялся ареной борьбы между силами прогресса (СССР, коммунистическое и рабочее движение) и силами реакции («капиталистическим окружением»), «причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в предствлении верующих» (С. 51).

Автор критически отвергает точку зрения, согласно которой СССР играл видную роль в международной политике 1930-х гг. На самом деле, как подчеркивает А. В. Голубев,

например, в европейских делах лидеры западных держав игнорировали интересы Советского Союза. Создалась парадоксальная ситуация. В то время как существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не определялись невысоким мнением о реальном весе СССР в мире, советская пропаганда постоянно подчеркивала именно решающее влияние его на всю систему международных отношений. Соответственно, неадекватное представление о роли Советского Союза на мировой арене привело к возникновению своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений его культуры. Здесь уместно добавить, что подобного рода иллюзия вплоть до распада СССР не просто превалировала, но усиленно распространялась, в частности, с привлечением большого отряда журналистов, публицистов, искусствоведов, и, конечно же, историков.

В рамках тоталитарного режима, как отмечает А. В. Голубев, сосуществовали две, на первый взгляд, противоположные тенденции. С одной стороны, сама логика модернизации приводила к попыткам осознания основополагающих западных (в том числе – европейских) ценностей, например, тех, которые определяли экономический и социальный прогресс. С другой стороны, сталинский режим, заинтересованный в сохранении и расширении своего политического и экономического влияния и в получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий, в то же время стремился установить контроль и ограничить получение достоверной информации о жизни за рубежом, а также личные, неофициальные контакты советских граждан.

А. В. Голубев раскрывает в своей монографии механизм доступа к информации о внешнем мире в условиях существования тоталитарного режима. Сведения об истории и культуре зарубежных стран можно было получить, посещая музеи, библиотеки, знакомясь с дореволюционной литературой и публикациями первых послереволюционных лет. Информацию о современной жизни за границей могла сыграть решающую роль в создании адекватных представлений о внешнем мире. Однако система образования в стране и средства массовой информации, которые могли послужить своеобразными «проводниками» сведений о политической, экономической, культурной жизни за рубежом, находились под жестким политико-идеологическим контролем.

Книги и фильмы о жизни и быте народов зарубежных стран, констатирует автор, подвергались тщательному отбору, жесткой политической цензуре. Поэтому являются бесспорными утверждения некоторых современных исследователей о том, что информация о жизни зарубежных стран свободно поступала в СССР.

В целом, делает вывод А. В. Голубев, в Советском Союзе не существовало альтернативных каналов получения информации о зарубежном мире. Это вызывало определенное недовольство, но в период, когда политические репрессии достигли своего пика, т. е. во второй половине 1930-х гг., уже было мало охотников прямо высказывать претензии на сей счет. И лишь представители интеллектуальной элиты, например, знаменитый ученый В. И. Вернадский, могли позволить посетовать на то, что существуют определенные ограничения в доступе к иностранной научной периодике, и даже добиваться от власти предрешающих определенных послаблений в этом плане.

В данной связи особый интерес представляют предложенный автором фактический материал, а также его наблюдения относительно деятельности такой хорошо известной организации, название которой стало нарицательным, как созданный в 1922 г. Главлит, или Главное управление по делам литературы и издательств. Автор метко окрестил это общеизвестное ведомство «сверхминистерством цензуры» (С. 68).

Численность его аппарата росла настолько быстрыми темпами, что уже спустя 15 лет после создания Главлита его начальник Н. Г. Садчиков был вынужден обратиться к главе советского правительства В. М. Молотову с просьбой о строительстве специального «дома цензуры». В конце 1930-х гг. советское руководство во избежание проникновения из-за рубежа «политически вредной» печатной продукции активно использовало цензуру, хотя на этом ежегодно теряло четверть миллиона (!) золотых рублей. В то же время, как показывает А. В. Голубев, культурный уровень и образовательный ценз сотрудников Главлита находились на низком уровне. Встречались просто дикие случаи, когда «бдительные цензоры» районного масштаба причисляли к «врагам народа» Аристотеля и Ф. Шуберта.

Параллельно с этим шел процесс ограничения и прямого запрета всяческих личных контактов с иностранцами: зарубежных поездок, переписки, связей по линии общественных организаций и т. д. и т. п. Так, на 10 лет «за участие в

антисоветской организации» был осужден в 1931 г. известный советский филателист, который переписывался со своими зарубежными коллегами. Дело кончилось тем, что в 1934 г. по постановлению Политбюро была создана специальная «комиссия по выездам» под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, которого сменил в 1937 г. зловещий Н. И. Ежов. Все командированные были обязаны являться в «комиссию по выездам» для получения инструкции о том, как надлежит вести себя в общении с иностранцами за границей.

Строжайшая регламентация подобного рода оказывалась просто необходимой, ибо порой те, кто возвращался из зарубежной командировки, будучи под глубоким впечатлением от увиденного, открыто возмущались «дурацкой» советской пропагандой, постоянно твердившей, что на Западе все плохо. В сентябре 1939 г., когда Красная Армия перешла границы Польши и устремилась на запад, сотни тысяч советских людей смогли воочию увидеть, какова жизнь за границей. И уже в этой стране, уничижительно названной В. М. Молотовым «уродливым детищем Версальского договора», они были до крайности удивлены изобилием товаров ширпотреба в магазинах. Простым красноармейцам казались «признаком неслыханного богатства» обычные одеяла. Нечего и говорить, что о благосостоянии народов прибалтийских стран, которые вошли в состав СССР в 1940 г., у советских людей было не менее восторженное впечатление.

Но А. В. Голубев метко указал и другой парадокс: зачастую некоторые иностранцы, предвзято настроенные против СССР, после его посещения вдруг находили, что «ужасающие картины» советской жизни, которые рисовала уже западная пропаганда, не во всем соответствуют действительности. Кстати, по сведениям автора, в 1920-е — 1930-е гг. Советский Союз посетили примерно 100 тыс. иностранцев.

Несомненный интерес представляют две главы монографии А. В. Голубева, которые посвящены непосредственно культурной дипломатии СССР. Как утверждает автор, культурная дипломатия (в советских документах встречается порой другое определение — «культурная пропаганда») входила в качестве составной части в огромный комплекс идей, методов, учреждений, являлась приводным ремнем невиданной в истории пропагандистской машины, созданной большевистским режимом. В советской стране, как пишет автор, ставился небывалый эксперимент по построению нового, как

считали его идеологи, самого передового общества. Соответственно, руководители внешнеполитического ведомства искали новые формы в осуществлении международных связей СССР. В качестве одной из таких форм могло выступать активное вовлечение широких масс во внешнюю политику («народная дипломатия»). Однако собственно культурная дипломатия могла реализовываться лишь при деятельном участии политической и интеллектуальной элиты. Как считает А. В. Голубев, ситуация в советском обществе сложилась таким образом, что политическая элита являлась источником основных представлений о мире для интеллектуальной элиты.

В 1920-х гг. основная роль в налаживании культурных связей с границей принадлежала общественным организациям. Большое значение для их установления (точнее сказать, восстановления) на начальном этапе имела инициатива отдельных видных представителей науки и искусства. Высшее партийное руководство, как подчеркивает А. В. Голубев, с одной стороны, не имело возражений против установления подобных связей, а с другой — стремилось, чтобы эта деятельность обходилось с как можно меньшими затратами денег из казны.

К началу 1930-х гг. культурные и научные связи с границей осуществлялись разнообразными государственными и общественными организациями: наркоматами иностранных дел, просвещения, внешней торговли, Коминтерном, Профинтерном, Крестинтерном, Коммунистическим интернационалом молодежи, «коммунистическими университетами», Главнаукой, Межрапомом.

В 1925 г. была создана уникальная организация — Всесоюзное общество культурной связи с границей (ВОКС). Уникальность этой организации, по мнению А.В. Голубева, состояла в том, что впервые в истории в ее функции входило налаживание культурного обмена с западными странами и координация этой работы в масштабах целого государства. Первоначально финансирование ВОКС осуществлялось из членских взносов, доходов от различных мероприятий, субсидий со стороны заинтересованных организаций. Позднее его деятельность стала напрямую оплачиваться из государственного бюджета.

В монографии отмечается, что ВОКС претендовало на своеобразную монополию в осуществлении культурных связей с границей. Однако это стремление «глушилось», во-первых, Народным комиссариатом иностранных дел, рассматривав-

ших Общество как одно из своих второстепенных подразделений, а во-вторых, сторонними организациями, которые рассматривали его как одно из своих второстепенных подразделений.

А. В. Голубев на конкретном фактическом материале раскрывает специфику «технологии гостеприимства» в отношении прибывших в СССР, когда пускались в ход и специальная «обработка» гостей (заранее согласованные маршруты поездок, посещение передовых и показательных предприятий, колхозов и т. д.), и их прямой подкуп с целью добиться позитивных оценок советской действительности. В этом смысле характерен приведенный в монографии отрывок из письма известного журналиста М. Е. Кольцова американскому писателю и социологу У. Франку, выпустившему книгу о советской России, гонорар за которую был переведен на счет в советском банке: «У вас достаточно рублей, чтобы приехать в Россию с сыном. У вас достаточно рублей, чтобы определить его в школу и снять виллу в Крыму. У вас достаточно рублей, чтобы поселить любовницу на вашей вилле. А если вам понадобятся еще рубли, мы всегда можем заказать вам несколько статей в „Правде“» (С. 147).

В целом книга А. В. Голубева написана хорошим литературным языком, легко и с большим интересом читается. Но следует обратить внимание на некоторые нестыковки и неточности, встречающиеся в тексте монографии А. В. Голубева, которые требуют корректировки. Из ее заголовка следует, что автор рассматривает советскую культурную дипломатию в хронологических рамках 1920-х — 1930-х гг.; во введении же он несколько расширяет эти рамки, указывая 1917 — 1939 гг.

Далее, Ф. М. Достоевский жил и творил не в прошлом веке, как следует из текста монографии (С. 13), а уже в позапрошлом. То же самое касается и Б. Н. Чичерина, которого цитирует А. В. Голубев на С. 13-14.

Вероятно, можно было дополнить определение «культурная дипломатия», приведенное А. В. Голубевым. Как представляется, в конкретной исторической ситуации не только (и не столько) советское государство, как «правлящая большевистская партия» использовали культурные и научные обмены для достижения своих целей. Тем более что в монографии неоднократно указывается на то, что наиболее важные решения, касающиеся непосредственной организации и развития этих

обменов, принимались на самом высшем уровне, т. е. членами Политбюро во главе со Сталиным.

При всем при этом монография А. В. Голубева – глубокое историческое исследование, в котором поднимаются важные глобальные проблемы и подробно освещаются конкретные сюжеты, связанные с функционированием советской культурной дипломатии. Она может быть полезна не только собственно историкам, но и политологам, культурологам, социологам, а в более широком плане – всем тем, кто интересуется предвоенной эпохой.

Владимир Невежин

Anders Mellbourn (ed.), *Developing a Culture of Conflict Prevention*, Madariaga European Foundation, The Bank of Sweden Tercentenary Foundation, Gidlunds, Brussels 2004, 144 p.

Европейский фонд «Мадарьяга» при поддержке *The Bank of Sweden Tercentenary Foundation* и издательства *Gidlunds* осуществил интереснейшую публикацию. С книгой стоит познакомиться хотя бы по трем причинам. Во-первых, учитывая исследовательскую программу, в рамках которой она появилась, а точнее говоря, учитывая личность покровительницы этой программы. Речь идет о Программе Анны Линд по предотвращению конфликтов. Трудно было бы найти более подходящее имя для выражения смысла мероприятия, служащего формированию в Европе «культуры предотвращения конфликтов». Анна Линд, преемница шведской традиции разрешения конфликтов мирным путем, которую когда-то олицетворял собой Даг Хаммаршельд, а в последнее время хотя бы Карл Бильдт или Ханс Бликс, была инициатором формирования этой культуры в европейском масштабе. Она умела, как никто другой, окончательно убедить своих европартнеров в принятии новаторских решений, вследствие чего, в частности, во время шведского председательства в 2001 г. была утверждена Программа ЕС по предотвращению конфликтов. В европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире» (*A Secure Europe in a Better World*), принятой всего через три месяца после убийства шведского министра иностранных дел, ключевыми понятиями являются и предотвра-

щение конфликтов, и создание европейской культуры безопасности. Анна Линд была в последнее время одним из ярчайших европейских лидеров. Она умела вести бескомпромиссную борьбу, не боялась дискуссионных, «малодипломатических» высказываний (широко известно ее определение *Lone Ranger*, которое получил президент Соединенных Штатов во время интервенции в Ираке весной 2003 г.), в результате чего завоевала огромный авторитет как среди политиков, так и в обществе. Поэтому неслучайно контрибьюторами этой книги, представляющей первое издание программы ее имени, являются крупнейшие специалисты.

И именно это составляет основное достоинство публикации. Среди ее соавторов мы встречаем как университетских ученых, так и дипломатов и политиков, таких, как, например: Алисон Бейлз – директор знаменитого Стокгольмского международного института исследований проблем мира; Роберт Купер – генеральный директор Секретариата Совета ЕС по политическим и военным вопросам; Брайан Коуэн – министр иностранных дел Ирландии; Ян Элиассон – посол Швеции в США и бывший участник посреднической миссии по урегулированию ирано-иракского конфликта и конфликта в Нагорном Карабахе; Филипп Кирш – первый президент Международного уголовного суда; Андерс Меллбоурн (редактор книги) – директор Шведского института международных дел; Кристофер Паттен – экс-комиссар ЕС по внешним отношениям, а раньше – последний британский губернатор Гонконга; Данило Тюрк – заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и, наконец, Хавьер Солана – Верховный комиссар ЕС по внешней политике и политике безопасности, генеральный секретарь ЕЭС, бывший генеральный секретарь НАТО, а также другие, не менее знаменитые, авторы. Благодаря привлечению столь разнообразного круга авторов книга представляет многоаспектное изображение проблемы и одновременно, сохраняя высокий уровень содержательности, не утомляет читателя. Оценивая подбор авторов, можно сделать одно лишь критическое замечание. Создавая европейскую культуру предотвращения конфликтов, стоило бы, наверное, поделиться наблюдениями с другими, внеевропейскими исследователями и политиками, прежде всего трансатлантического круга. Может быть, в следующих изданиях авторский состав окажется еще более разнообразным. Впрочем, редактор книги сам признался, что первое издание Программы

готовилось в спешном порядке, чтобы опубликовать его до 11 сентября 2004 г. – первой годовщины смерти Анны Линд.

Стоит здесь рассмотреть подборку материалов по широкой тематике предотвращения конфликтов, произведенную группой знаменитых авторов первого издания Программы. Особенное внимание акцентируется здесь на трех аспектах: субъектах, принимающих деятельное участие в превенции, связанных с ней наиболее злободневных проблемах, а также на ценностях. Итак, публикация состоит из пяти частей: вступления, которое следует принять как дань уважения к деятельности Анны Линд и которое содержит эскизный очерк деятельности Европейского союза по предотвращению конфликтов; трех частей, представляющих упомянутые аспекты, а также послесловия, написанного редактором книги. Среди разных «акторов превенции» самое большое внимание уделяется многолетнему опыту в этой области Организации Объединенных Наций, значению деятельности Международного суда справедливости и Международного уголовного суда, культуре предотвращения конфликтов, отработанной в Швеции, роли НАТО и ЕС в предотвращении конфликта в Македонии, а также особенностям гражданской войны. Зато самыми важными и злободневными проблемами были признаны: связь между конфликтами и терроризмом, упавшие государства, угрозы для демократии, которые несут за собой конфликты, наконец, различные методы разрешения конфликтов, а также возможности и недостатки в этом отношении Европейского союза. В свою очередь, важнейшими вопросами сферы ценностей считаются взаимоотношения между универсальными ценностями и культурным разнообразием, а также между глобализацией и категорией «общего добра».

И, в конце концов, третье достоинство книги – это ее ведущая тема, злободневная, важная, представляющая собой один из крупнейших вызовов Общей внешней политике и политике безопасности и, в том числе, Общей европейской политике в области безопасности и обороны. Здесь речь идет прежде всего не о превенции *ad hoc*, организованной незадолго до начала потенциального кризиса. Важное значение имеет установление «культуры предотвращения конфликтов», то есть структурной превенции. Она требует богатого политического воображения, чтобы уметь разыскать и устранить корни кризисов, совершать действия, которые зачастую являются рискованными, а иной раз малоэффективными, приносящими

плоды спустя длительное время. Превенция такого рода требует также больших финансовых затрат, так как устранение причин потенциальных конфликтов обозначает нередко стимулирование экономического развития отдельных государств и регионов, строительство инфраструктуры, системы здравоохранения, гражданского контроля над вооруженными силами, иногда построение основ демократии. С другой же стороны, успешное предотвращение конфликтов обозначает огромную экономию. Разумеется, нельзя рационально определить стоимости человеческих жизней, спасенных благодаря превенции. Можно, однако, оценить, хотя бы приблизительно, потенциальные потери, возникшие в результате разорения мест, охваченных конфликтами, а также угроз международной безопасности, производных по отношению к самому конфликту. Ибо чаще всего современные вооруженные конфликты сопровождаются ростом организованной преступности (это в основном незаконная торговля вооружением). А когда государственные структуры ослабевают или просто приходят в упадок, освобождается место для терроризма, пролиферации оружия (оружие массового поражения и т. н. легкое или малое вооружение), возникают вспышки неконтролируемых эпидемий, неконтролируемые миграционные передвижения или же разрыв международной экономической кооперации (напр., поставок природных ресурсов). В связи с возрастающей взаимозависимостью результаты явлений этого рода проявляются не только в районе борьбы, но и далеко от него, на других континентах. Европа не станет действительно безопасной, если не будет эффективной структурной превенции. Поэтому тем более требуются публикации, которые не только создают ценные интеллектуальные конструкции, но и возникают в кругах, формирующих общественное мнение, которые влияют на становление внешней политики как на уровне отдельных государств-членов ЕС, так и в европейском масштабе.

Эдыта Посель-Ченсьцик

Michael Mesch, Agnes Streissler (Hrgs), *US-amerikanisches und EUropäisches Modell (Bd.8), „Wirtschaftswissenschaftliche Tagungen der AK Wien“*, Lexis Nexis ARD Orac, Band 8, Wien 2004⁴.

Выражения «социально ориентированная Европа» и «экономически эффективная Америка» давно уже стали расхожими. Между политическими и общественными системами США и Европы всегда существовали значительные различия, важность которых стала особенно ощутима сегодня, после крушения коммунизма и начала так называемого «Лиссабонского процесса», объявленного Европейским Союзом в 2000 г. С помощью этого процесса ЕС рассчитывает к 2010 г. создать «...самую конкурентоспособную и динамичную экономику в мире, которая будет основана на знаниях и сможет обеспечить устойчивый экономический рост путем создания все большего числа качественных рабочих мест, а также повысить уровень сплоченности общества»⁵. Соревнование между евро и долларом на мировых валютных рынках не могло не обострить ощущения наличия серьезной конкуренции между двумя системами, когда-то считавшимися единым «Атлантическим Западом». Даже беглый взгляд на Евростат – сайт, где ЕС публикует свои статистические материалы⁶, – показывает, насколько далека еще «старая Европа» (цитата из Дональда Рамсфельда, на брюссельском «новоязе» – ЕС-15) – или, если уж на то пошло, «старая и новая Европа» (ЕС-25, возникший после расширения Евросоюза 1 мая 2004 г. и состоящий из 25 европейских государств, включая 8 стран Центральной и Восточной Европы – в прошлом коммунистических, а также Кипр и Мальту) – от осуществления этой цели – стать самой конкурентоспособной и динамичной экономикой в мире. Многие из живущих по обе стороны Атлантики поневоле согласятся с тем, что «лентяи, рассчитывающие на пособия»⁷ (слова ныне покойного президента Рональда Рейгана; термин этот был создан им в 1966 г.,

⁴ Кроме того, готовится к печати статья, освещающая данный вопрос в более широком контексте: *USA und Europa. Ein Vergleich der Sozialsysteme Arbeitspapier 46/Dezember 2003. Eine Studie im Rahmen des Projekts „Europa-USA: Divergierende Partner“ gefördert vom Jubiläumsfonds der OeNB (Juli 2003 – Juni 2004)* (готовится к печати в Австрийском институте международных дел, Вена).

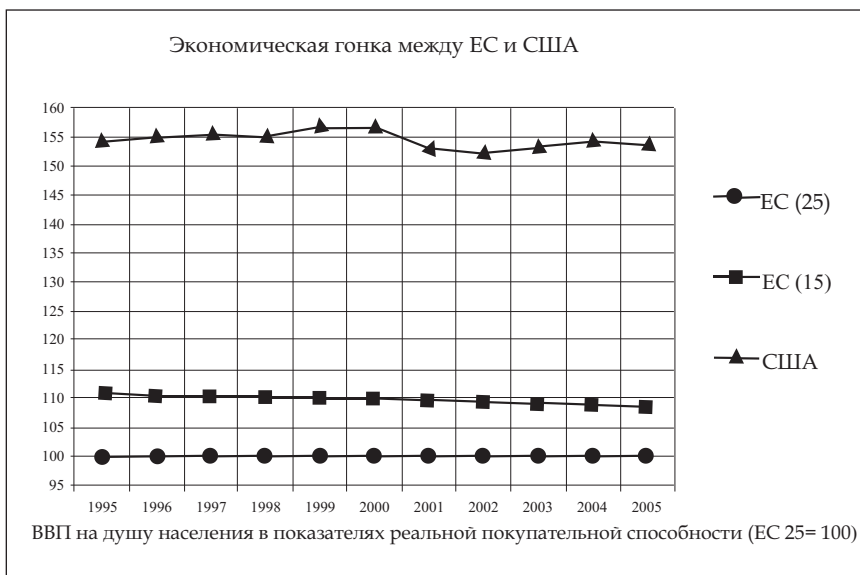
⁵ http://www.bmaa.gv.at/view.php3?f_id=51&LNG=en&version.

⁶ http://europa.eu.int/comm/eurostat/newcronos/reference/display.do?screen=detailref&language=de&product=EU_strind&root=EU_strind/strind/ecobac/eb011.

⁷ http://www.berkeley.edu/news/media/releases/2004/06/08_reagan.shtml.

когда он баллотировался на пост губернатора Калифорнии), никак не могут развиваться столь эффективно и что путем либерализации экономики и сокращения непомерно разросшегося государственного сектора европейцы наконец получат шанс догнать эффективную экономику Соединенных Штатов.

История гонки в экономической сфере, о начале которой в одностороннем порядке было объявлено европейцами на Лиссабонском саммите в марте 2000 г., весьма проста, и о ней написано уже довольно много: Европе никак не удается сравняться с Соединенными Штатами, и разрыв между ними фактически все расширяется⁸. Примерно к такому выводу пришли и авторы недавнего научного доклада, написанного под руководством профессора Андре Сапира по заказу Еврокомиссии⁹. А явное смещение центров экономического роста в сторону стран бассейна Тихого океана говорит о том, что перспектива «атлантической арены» стать главным соперником Америки в XXI в. ныне находится под большим сомнением. Предлагаемый вашему вниманию график содержит обобщенную характеристику экономического анализа, содержащегося в рецензируемом томе. Общий вывод таков: Европа никогда не представляла собой угрозу мировому экономическому господ-

⁸ <http://www.wifo.ac.at/Karl.Aiginger/publications/2002/background.pdf>.

⁹ http://europa.eu.int/comm/lisbon_strategy/pdf/sapir_report_en.pdf.

ству США, разительно отставая по многим параметрам как до, так и после Лиссабонского саммита ЕС.

Вышеупомянутые данные временного ряда Евростата показывают, что Европа не только не достигнет своей цели к 2010 г., но едва ли добьется этого и к 2020 г.

	ВВП на душу населения (25 стран)	ВВП на душу населения ЕС (15 стран)	ВВП на душу населения США
1995	100	110,8	154,3
1996	100	110,4	154,8
1997	100	110,2	155,5
1998	100	110,1	155,1
1999	100	110	156,6
2000	100	109,9	156,7
2001	100	109,6	153,1
2002	100	109,4	152,3
2003	100	109,1	153,2
2004	100	108,8	154,3
2005	100	108,6	153,8

Разрыв в доходах на душу населения между богатыми, старыми и мощными государствами-членами ЕС-15, с одной стороны, и США – с другой, выраженный в процентных показателях (см. таблицу), по-видимому, не проявляет тенденции к сокращению, и многие аналитики приходят к единому мнению, что «эгоцентричная, негибкая и склеротичная» Европа обречена на неудачу¹⁰. Экономическая «гонка» между Европой и США будет продолжаться до бесконечности, потому что Европа просто не в состоянии догнать Соединенные Штаты:

¹⁰ <http://www.guardian.co.uk/guardianpolitics/story/0,,1302012,00.html>.

В рассматриваемом нами томе Карл Айгингер и Микаэль Ландесманн – международно известные австрийские экономисты – блестяще обосновали эту точку зрения, показав, что Европа, скорее всего, уже проиграла «лиссабонскую гонку» за право считаться к 2010 г. одним из полюсов в сфере конкурентоспособности и технологии. И произошло это еще в годы «клинтоновского бума».

Итак, между «Сциллой» представлений о Европе как о «нарастающей сверхдержаве»¹¹ или регионе, ставшем весьма динамичным благодаря деятельности Единого европейского рынка¹², и «Харибдой» взглядов на Европу как на регион, где господствует «евросклероз»¹³, появился новый путь, открывающий возможность для сопоставления европейской и американской социальной «модели». Зачатки этого нового подхода были заложены недавним исследованием, проведенным Венской палатой рабочих и служащих, на ряд разделов которого я ссылаюсь в прим. 1 к настоящей рецензии. Следует, однако, отметить, что некоторые разделы упомянутого труда (Эрих Хедл – глава о «европейской модели»; Петер Филцмайер – глава о роли денег и власти в американской демократии; Юрген Хоффманн – глава о либеральной и координируемой

¹¹ <http://www.europeanresearchforum.com/>.

¹² http://www.eucenter.scrippscol.edu/eu_events/papers/paper/panel10/javier_collazo.html.

¹³ http://www.nationalreview.com/nrof_malpass/malpass102202.asp.

рыночной экономике; Стефан Шульмейстер – глава о «финансовом» капитализме и «настоящем» капитализме) написаны в контексте основного течения современных дискуссий о «европейской» и «американской» моделях.

Рихард Штурн и Франц Преттенхалер в своем эссе о влиянии расходов на социальные нужды на модели экономического роста показывают разницу между общими и чистыми расходами на социальные нужды по обе стороны Атлантики. Несмотря на всю свою популярность, обычные объяснения соответствующих различий между Европой и США здесь попросту не срабатывают. Во-первых, нам необходимо провести разграничение общих и чистых расходов на социальное обеспечение населения. Почему? Потому что (как знает всякий, кто в последние годы ходил за покупками в Евроленде) в Европе довольно высоки косвенные налоги. Общая доля федеральных налогов в ВВП в большинстве европейских государств возросла, начиная с 1960 г., с 25 или 30% примерно до 40%, тогда как в США эта величина оставалась относительно постоянной на уровне около 20%¹⁴. Год за годом средний европеец работает до мая месяца исключительно на сборщиков налога, тогда как в Америке вы кончаете обслуживать федеральную налоговую систему уже где-то к середине марта. Европейские федеральные государства всеобщего благосостояния в среднем тратят 29% своего ВВП на социальную политику, в то время как общая доля аналогичных расходов в США равна лишь 16% ВВП. Но, за вычетом налогов и с учетом расходов на социальные нужды со стороны государства и частных лиц, чистые расходы на социальные нужды в «старой Европе» (15 самых богатых западных государствах-членах ЕС) составляют лишь 24% ВВП против 24,5% в США. Таким образом, можно сказать, что Европа субсидирует своих бедняков, но потом снова забирает у них эти деньги, облагая их покупки высокими налогами. Те, кто пользуется расхожими сравнениями «социального сектора» в Америке и Европе, не учитывают того факта, что США тратят на эту сферу гораздо больше на уровне 50 штатов, взнос которых в общие государственные расходы составляет 38,50% от их ВВП – примерно столько же, сколько тратится такими европейскими государствами, как Испания, Соединенное Королевство или Португалия¹⁵. В рецензируемой книге также

¹⁴ <http://www.worldbank.org/research/growth/GDNdata.htm>.

¹⁵ Построения автора, основанные на данных из <http://www.worldbank.org/research/growth/GDNdata.htm#3>.

содержится детальное сопоставление социальных секторов Бельгии, Дании, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Австрии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Испании и США, проведенное Агнес Штрейсслер, которая приходит к совершенно поразительному выводу: не подвергая сомнению реальность существования бедности в Соединенных Штатах, автор доказывает, что, согласно критериям Евростата (процент лиц с усредненным доходом после уплаты налогов ниже порога риска бедности, равного 60% от величины среднего национального усредненного дохода после уплаты налогов с учетом безвозмездных социальных выплат), 17%¹⁶ населения США живет ниже черты бедности, тогда как в Европе (ЕС-15 и ЕС-25) доля бедняков составляет 15%¹⁷. Кроме того, успехи, достигнутые некоторыми европейскими странами – в первую очередь скандинавскими, и «положительные стороны» американской модели отличает одна общая черта – активное участие государства и общества в создании высоких технологий и формировании человеческого капитала.

Эти два раздела рецензируемой книги представляют собой своего рода продолжение весьма интересных исследований, проводившихся на протяжении последних нескольких месяцев под эгидой одного из венских научных институтов¹⁸. В первом исследовании, принадлежащем перу Иоганна Швей-

¹⁶ В соответствии с критериями уровней бедности, используемыми Бюро по проведению переписей населения США, лишь 12,5 % американцев в 2003 могли быть отнесены к категории бедняков, однако доля данной категории заметно возросла после прихода к власти администрации Буша: <http://www.census.gov/hhes/poverty/poverty03/pov03fig03.pdf>. Уровень бедности снижался во времена рейгановского и клинтоновского «бума» и возрастал в периоды спада в начале 1980-х гг. и в 1990-е гг. Критерии бедности, применяемые Евростатом и Бюро по проведению переписей населения США, принципиально несовместимы. См. также <http://www.census.gov/hhes/poverty/povdef.html>.

¹⁷ http://europa.eu.int/comm/eurostat/newcronos/reference/display.do?screen=detailref&language=en&product=EU_strind&root=EU_strind/strind/socohe/sc022.

¹⁸ J. Schweighofer, *Ist die „europäische Beschäftigungsstrategie“ nach fünf Jahren am Ende? Zur Bewertung des Luxemburg-Prozesses 1998 – 2002*. Materialien zu Wirtschaft und Gesellschaft, 84, Arbeiterkammer Wien, 2003, см. <http://wien.arbeiterkammer.at/pictures/d10/MWuG84.pdf> и A. Streissler, *Geriatrische Langzeitpflege. Situation und Entwicklungsperspektiven*. Materialien zu Wirtschaft und Gesellschaft; 87/2004 Erscheinungsort: Wien HerausgeberIn: Kammer für Arbeiter und Angestellte für Wien, Abt. Wirtschaftswissenschaft und Statistik Verleger: AK-Wien; а также см. <http://wien.arbeiterkammer.at/pictures/d9/MuG87.pdf?PHPSESSID=7f7ee7d4848d7929ddbc0240a2062a34>.

гофера, директора департамента Федерального министерства экономики и труда Австрии, анализировалась политика в сфере трудоустройства населения, осуществляемая в Европе. Выяснилось, что в Европе (ЕС-25) трудоустроено только 62,9% населения в возрасте от 15 до 64 лет, тогда как в США этот показатель составляет 71%¹⁹. Но было бы ошибкой считать, что в разряд «отстающих» попадают все европейские страны. Иоганн Швейгхофер смог показать в своем анализе, что политика в сфере трудоустройства, проводимая в Ирландии, Финляндии, Нидерландах, Дании, Швеции, Соединенном Королевстве и Испании, оказалась вполне успешной, а действительными «грешниками» являются Греция, Федеративная Республика Германия, Италия, Люксембург и Австрия. Во втором исследовании, написанном уже знакомой нам Агнес Штрейслер, показано, что из-за процесса старения населения происходит стремительнейший рост расходов в секторе постоянного ухода за престарелыми по всей Европе (см. также материал Петера Оберендера, посвященный вопросам страхования в сфере ухода за престарелыми в Федеративной Республике Германии)²⁰, которые к 2030 г. составят 3% ВВП в Австрии и подобных ей странах. Со своей стороны, такие страны, как Германия, к тому времени столкнутся с проблемой организации круглосуточного ухода за 5 млн. престарелых.

Таким образом, многие из тех страхов, что существовали в Северной Америке и других странах к моменту объединения Германии (в известной степени они отразились и в знаменитой речи, произнесенной министром иностранных дел Германии Ёшкой Фишером в Гумбольдтском университете в Берлине 20 мая 2000 г.²¹), оказались попросту беспочвенными, поскольку Германия XXI века не будет мощным мировым гегемоном, бросающим вызов всему остальному человечеству, а превратится в общество, характерной чертой которого станет стареющее и уменьшающееся население, что совершенно правильно предвидел уже много лет назад профессор Пол Кеннеди²².

¹⁹ <http://www.oecd.org/dataoecd/41/15/32504422.pdf>.

²⁰ <http://wien.arbeiterkammer.at/pictures/d9/MuG87.pdf?PHPSESSID=7f7ee7d4848d7929ddbc0240a2062a34>.

²¹ http://www.euo.dk/emner/fremtid/konventdokumenter/tale/fischer_foederationen/.

²² P. Kennedy, *Preparing for the Twenty-First Century*, New York 1994.

Нынешние исследования австрийских экономистов также не оставляют никаких оснований для уверенности в том, что Европе абсолютно не свойственен рост нищеты и неравенства, для многих ассоциируемый с понятием «американский капитализм». Бедность и неравенство, бесспорно, нарастают во многих странах сегодняшней мировой системы, но было бы глупо связывать эту тенденцию с неким «американским/ американизированным характером» экономики США или Европы. Вполне возможно, что в 1980-е гг. 70% растущих доходов в США попадало в карманы самых богатых, т. е. 1% семей (Майкл Ейтс²³, „Monthly Review“, февраль 2004 г.). Однако, если рассматривать процесс развития доходов в целом, то данные, приведенные Деборой Рид из калифорнийского Института государственной политики, по всей видимости, позволяют заключить²⁴, что только в Калифорнии происходило абсолютное обнищание беднейших 25% населения, в то время как в остальных 49 штатах в 1969-2002 гг. наблюдался рост доходов даже самой неимущей четверти жителей. С другой стороны, новейшие данные исследований по Австрии, по-видимому, свидетельствуют о том, что в 1992-2004 гг. произошло сокращение среднего дохода рабочих и служащих – с 1444 евро (1808 дол. США) в 1992 г. до 1370 евро (1716 дол. США) в 2004 г. (проф. Алоиз Гугер, Австрийский институт экономических исследований, цит. по Микелю Бахнеру, „Der Standard“, 31.07./1.08.2004).

Вышеупомянутые материалы, без сомнения, облегчают правильное понимание европейской и американской политической экономии. Совершенно очевидно, что за последние несколько лет, в период президентства Буша, Соединенные Штаты стали ареной весьма целенаправленной политики неолиберализма с ее принципом «Робин Гуд наоборот»²⁵. Но рассмотренные нами публикации показывают, сколь ошибочно было бы для нас, европейцев, отрицать все положительные аспекты социальной системы США, присущие ей вот уже много лет: активное участие государства и частного сектора в формировании человеческого капитала, достойную жизнь и шансы на хорошую работу для женщин, а также высокий уровень расходов на социальную сферу как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, к чему следует добавить невы-

²³ <http://www.monthlyreview.org/0204yates.htm>.

²⁴ http://www.ppic.org/content/pubs/CC_204DRCC.pdf.

²⁵ P. Krugman // <http://www.commondreams.org/views04/0601-07.htm>.

сокие налоги, наличие социально активной корпоративной системы и постоянный приток добровольцев, бесплатно работающих в социальном секторе.

Следует упомянуть еще один фактор, не успевший войти в названные публикации – влияние расширения ЕС на общую ситуацию с бедностью в новой Европе. Критики социальных структур, существующих в США, часто утверждают, что бедность и неравенство в этой стране неотделимы от истории неравноправной интеграции американского Юга в качестве экспортера сырья, а также от той роли, которую играла рабовладельческая экономика в развитии мировой капиталистической системы²⁶. Кроме того, общим местом американской «критической» литературы давно уже стало утверждение, что в истории США практиковались массовые насилия по отношению к коренному населению, а расовая дискриминация является устойчивой чертой американского общества с момента его возникновения и до настоящего времени²⁷. В целом ряде недавних публикаций²⁸ рецензент попытался предложить свою переоценку всех этих положений с точки зрения сравнительно-исторического анализа, показав, что активная колониальная экспансия и связанное с ней насилие были присущи и Европе, где они практиковались с X в. в отношении религиозных меньшинств, и что современная карта катастрофической региональной безработицы на востоке и юге этого континента вполне соответствует исторической географии религиозных и этнических «чисток», начиная с 1000 г. н. э. В «пол-

²⁶ См. В. Rüster, *Rassenbeziehungen in den USA*, Darmstadt, Luchterhand, 1973.

²⁷ E. Frey, *Schwarzbuch USA*, Frankfurt a.M., Eichborn Verlag, 2004.

²⁸ Готовится к печати А. Tausch, P. Herrmann, (Eds.) *Dar al Islam. The Mediterranean, the world system and the "wider Europe"*. Nova Science Publishers, 2004. Авторы статей: S. Amin, S.M. Ahsan, P. Cox, A.G. Frank, J. Galtung, P. Herrmann, G. Kohler, V. Krassilchtchikov, Rabbi M. Lerner, S.M. Murshed, H.-H. Nolte, J.R. Oneal, K. Raffer, B. Russett, C.M. Salama, D. Skidmore, A. Tausch, A. Tovias, и P. Ziltener. Полный текст книги можно найти в Интернете: http://www.galileus.info/galileus/members/m_TAUSCH/publications/107892609054/107892622908 и http://www.galileus.info/galileus/members/m_TAUSCH/publications/107892609054/10968788802. Далее см. *Die EU-Erweiterung und die soziale Konvergenz. Ein „Working Paper“ zur Globalisierung und wachsenden Ungleichheit im neuen und alten Europa*. Studien von Zeitfragen, 2004, <http://druckversion.studien-von-zeitfragen.net/Soziale%20Konvergenz%20EU-Erweiterung.pdf> и *Soziale und regionale Ungleichgewichte, politische Instabilität und die Notwendigkeit von Pensionsreformen im neuen Europa*. Schriftenreihe des Zentrums für europäische Studien, Universität Trier, Band 56, 2004, см. <http://www.uni-trier.de/zes/schriftenreihe/056.pdf>.

день» европейской истории эти «чистки» велись с особой жестокостью в отношении «Дар-ал-Ислама» (дома ислама) на территории Италии, Испании и Португалии, а в первой половине XX в. их объектом стали национальные меньшинства на востоке Европы. Злоключения, переживаемые восемью миллионами цыган, представляют собой еще одну европейскую социальную проблему XX века – ее масштабы вполне сопоставимы с тяжестью наследия расовой дискриминации в США. Систематизированное сопоставление ситуации в Соединенных Штатах и европейских государствах позволяет выявить следующие тенденции в сфере бедности:

Ситуация с бедностью в 2002 г., измеренная в показателях, предложенных ООН	ЕС-25: государство с худшими, чем у США, показателями
Процент населения старше 60 лет	Словакия, Польша, Литва, Венгрия, Латвия
Избежали застойной безработицы	Люксембург, Нидерланды, Австрия, Дания, Швеция; Соединенное Королевство; Ирландия, Португалия, Финляндия, Венгрия, Франция, Бельгия, Чешская Республика, Германия, Испания, Греция, Италия, Польша, Словакия
Избежали функциональной безграмотности	Соединенное Королевство; Ирландия, Венгрия, Словения, Польша, Португалия
Избежали ситуации, когда значительная часть населения живет ниже черты бедности (11 дол. США на душу населения в день)	Соединенное Королевство
Реальная покупательная способность 20 беднейших процентов населения	Италия, Словения, Чешская Республика, Испания, Соединенное Королевство, Греция, Словакия, Португалия, Венгрия, Литва, Польша, Эстония, Латвия

Во время, когда большинство экспертов – как левых, так и правых убеждений – признают факт наличия кризиса в европейской системе социального обеспечения, представляется весьма примечательным, что венская Палата рабочих и служащих – один из «знаменосцев» социального кейнсианства – при-

шла к выводу, согласно которому система социального обеспечения США, если рассматривать ее с точки зрения социальной справедливости и устойчивости, является одной из лучших пенсионных систем, ныне существующих в мире. Поэтому сегодня, в «закатные часы» европейской истории, нам, европейцам, просто не пристало смотреть на «антисоциальную Америку» с одним лишь презрением. Может быть, рассмотренные нами сегодня исследования помогут проложить путь к началу более рациональных дискуссий по обе стороны Атлантики. Как европейские государства, так и Соединенные Штаты добивались успеха в своих начинаниях лишь тогда, когда ими проводилась должная политика, обеспечивающая равенство полов, формирование человеческого капитала и развитие технологий. Перед будущими исследователями с неизбежностью встанет фундаментальный вопрос, на который им придется дать непредубежденный ответ: что могут извлечь для себя европейские государства и США из опыта таких стран, как Скандинавия, где было проведено глубокое реформирование всех систем «государства всеобщего благосостояния»?

Арно Тауш